

ПСИХОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Нерсеянц Анна Владиковна

Клинический психолог, Руководитель отдела адаптации, ООО «Буде Раша»
ivan.anna2018@yandex.ru

PSYCHOLOGY OF JUSTICE AS A DIRECTION OF RESEARCH IN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN PERSONOLOGY

A. Nersesyants

Summary. One of the most relevant areas of research for the world (and especially for Russian) personology is the psychology of justice. The interest of psychological science in understanding the place and role of justice in the inner world of man is largely stimulated by the achievements of neuroscience and genetics, showing that ideas about justice are rooted in the emotional sphere of man. At present, Russian personology is actively developing research aimed at applying the theoretical concepts of sensitivity to justice and faith in a just world to the study of the psychological well-being of representatives of a number of vulnerable social groups (people with disabilities, prisoners, minors, etc.) For all the significance of this research area, it would be wrong to underestimate the relevance of studying the personal potential of people with pronounced prosocial (as opposed to egoistic) attitudes that orient them to an altruistic type of behavior in situations of social significance. From this point of view, special attention from researchers of the psychology of justice deserves an analysis of the personal characteristics of young people focused on political activity or legal career in the field of justice. For an in-depth study of the problem from this point of view, it seems appropriate to introduce the category "sense of justice" into the conceptual apparatus of personology. This would allow us to lay a broad theoretical foundation for empirical research in this field, which allows us to link the study of justice in the framework of personology, social psychology, social philosophy, philosophy of law and pedagogy in a single comprehensive approach to the study of man.

Keywords: psychology, personology, justice, personality, sensitivity to justice, faith in a just world, sense of justice, science of man.

Аннотация. Одним из наиболее актуальных направлений исследований для мировой (и особенно для российской) персонологии является психология справедливости. Интерес психологической науки к осмыслению места и роли справедливости во внутреннем мире человека в немалой степени стимулирован достижениями нейробиологии и генетики, показывающими, что представления о справедливости коренятся в эмоциональной сфере человека. В российской персонологии в настоящее время активно развиваются исследования, направленные на применение теоретических концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир к изучению психологического благополучия представителей ряда уязвимых социальных групп (людей с ограниченными возможностями, заключенных, несовершеннолетних и т.д.). При всей значимости данного направления исследований было бы неверным недооценивать актуальность изучения личностного потенциала людей с ярко выраженными просоциальными (в противовес эгоистическим) установками, ориентирующие их на альтруистический тип поведения в ситуациях, обладающих социальной значимостью. С этой точки зрения особого внимания со стороны исследователей психологии справедливости заслуживает анализ личностных особенностей представителей молодежи, ориентированной на политическую деятельность или юридическую карьеру в сфере правосудия. Для углубленного изучения проблемы под таким углом зрения представляется целесообразным введение в понятийный аппарат персонологии категории «чувство справедливости». Это позволило бы заложить под эмпирические исследования в данной области широкий теоретический фундамент, позволяющий увязывать изучение справедливости в рамках персонологии, социальной психологии, социальной философии, философии права и педагогики в единый комплексный подход к изучению человека.

Ключевые слова: психология, персонология, справедливость, личность, чувствительность к справедливости, вера в справедливый мир, чувство справедливости, наука о человеке.

В последние годы в психологической науке наблюдается заметный интерес к соединению различных теоретических подходов и методов исследования психологии личности на базе персонологии как комплексного учения о личности, синтезирующего достижения фундаментальной академической психологии и клинической практики и вовлекающего в орбиту психологического анализа многогранный социокультурный контекст формирования и развития личности. Именно такое направление для формирования персонологии как науки о личности задал еще в 30-е годы прошлого века Г. Мюррей, который и предложил термин «персонология» для обозначения соответствующего комплексного подхода к изучению психологии личности. «Та область психологии, которая в основном занимается изучением жизни человека и тех факторов, которые имеют на неё влияние, отрасль, которая занимается исследованием индивидуальных различий и типами личности, может быть названа «персонология».

В настоящее время персонология вышла далеко за рамки психологической науки и практики, сформировавшись в междисциплинарную область научного знания о личности, интегрирующую данные таких наук, как психология, философия, социология, антропология, история и т.д. При этом психологическая составляющая данной системы междисциплинарного знания, являющаяся здесь приоритетной, составляет основы психологической персонологии, развивающейся в рамках психологической науки и практики.

Под психологической персонологией понимается учение о психологии личности, предмет исследования которого находится на границах психологической науки, пересекаясь с предметными сферами целого ряда социогуманитарных и естественных наук, так или иначе связанных с изучением человека как носителя духовных и физических характеристик. Данный подход призван преодолеть свойственное различным направлениям психологии (таким, как психоанализ, бихевиоризм, когнитивизм и т.д.) стремление «сделать из личности своего рода схему, действующую по определенным законам» [19, с. 304]. Кроме того, персонология позволяет исправить дефекты психологического познания, обусловленные чрезмерным увлечением естественно-научной методологией, которое «привело к тому, что сама психология перестала быть наукой о человеке, а исследование психики разделилось на рассмотрение отдельных функций и процессов» [19, с. 304]. В российской психологии концепция персонологии Г. Мюррея получает осмысление и развитие в свете идей Л.С. Выгодского об общей психологии как своего рода «алгебре частных наук» [6, с. 322]. «Для нас общая персонология, пишут Петровский В.А. и Старовойтенко Е.Б., — отдаленное эхо проекта «общей науки» Л.С. Выготского, сфокуси-

рованной на феномене личности в универсуме жизни» [16, с. 16]. Символом этой новой науки, которую авторы обозначают как общую персонологию, «является треугольник Теория — Герменевтика — Практика, имеющие своим предметом личность, индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром» [16, с. 16].

Развиваемый в современной отечественной психологии подход к осмыслению личности в ее целостности, находится в русле методологии комплексного изучения человека, обоснованной в 80–90-е годы прошлого века известным отечественным философом акад. И.С. Фроловым. Его усилиями был создан Институт человека, задачу которого сам автор определял, как формирование нового направления в науке, ориентированного на «комплексное междисциплинарное исследование целостного человека» [20, с. 46]. Очерчивая контуры такого направления, который он назвал философией человека, И.Т. Фролов отмечал, что именно философия, а «не какая-либо другая отдельная наука, включая психологию, может выполнить роль интегратора в создании единой науки о человеке. Конечно, и психология нащупывает новые интересные связи между естественными и общественными науками, и в этом смысле она тоже выполняет роль интегратора, но не в такой явной форме как философия...» [21, с. 36]. Однако, подчеркивал он далее, дело не в спорах о «лидерстве», а в совместной выработке новой комплексной научной программы, которая «будет ценностно ориентировать все науки, и ориентировать их именно в зависимости от потребностей развития человека» [21, с. 36]. Институт человека просуществовал до 2004 г., пережив на несколько лет своего создателя, однако идеи о человекознании как о единой науке продолжают развиваться в совместных работах философов и психологов [15]. Параллельно с этим психологи работают над созданием персонологии как общей науки о личности в ее психологическом измерении. Очевидно, что развитие этого направления психологической науки является важным подспорьем в общей работе философов и психологов по формированию комплексного направления знаний о человеке как системной целостности.

Одной из ключевых категорий общей персонологии, осмыслением которой занимаются и философия, и психология, является категория справедливости. Данная категория морального сознания выражает исключительно сложный феномен, многозначность которого была отмечена еще Аристотелем в «Никомаховой этике», где справедливость рассматривалась и как праведность, выступающая в качестве полной добродетели человека в отношении к другому, и как правосудность, т.е. качество суждений о правомерности поступков [1]. При этом в обеих трактовках данного понятия, воспринятых современной наукой, справедливость предстает в качестве характеристики взаимоотношений человека с дру-

гими людьми, т.е. носит интересубъективный характер и в этом смысле является предметом изучения прежде всего социальных наук в целом и социальной психологии, в частности. Подчеркивая социальный характер справедливости, известный американский философ, автор теории справедливости как честности Д. Ролз характеризует справедливость как первую добродетель общественных институтов, подобно тому, как истина является первой добродетелью систем мысли [17]. Однако для того, чтобы социальные институты могли нормально функционировать, они должны адекватно отражать психологическое состояние общества, наполняющее эти институты соответствующим психологическим содержанием. Это психологическое содержание социальных институтов, пишут А.Л. Журавлев и Д.В. Ушаков, может быть определено как «большая или меньшая готовность придерживаться тех или иных правил поведения [9, 241], обусловленная ценностями и социальными установками людей, которые составляют предмет исследований психологии личности. Таким образом осмысление справедливости в рамках социальной философии и социальной психологии невозможно без знания, которое несет в себе персонология.

В наши дни в силу самых разных причин справедливость как феномен, проявляющийся в индивидуальном сознании и поведении, привлекает все большее внимание исследователей, что отражает актуализацию данного феномена в общественном сознании. При этом интерес психологии личности к осмыслению места и роли справедливости во внутреннем мире человека в небольшой степени был стимулирован достижениями нейробиологии, подтверждающими восходящие к Д. Юму идеи о том, что представления о справедливости коренятся в эмоциональной сфере человека: Авторы рассматривают полученные результаты как весомый довод в пользу «моральных сентименталистов». Совершенно ясно, что решение этических дилемм тесно связано с эмоциями, причем эмоциональная оценка «эффективности», «справедливости» и «общей пользы» принимаемого решения осуществляется, как выяснилось, тремя разными отделами мозга. При принятии решения происходит нечто вроде взвешивания баланса сил (то есть эмоций) или судебного разбирательства: кора островка защищает интересы справедливости, а скорлупа «голосует» за эффективность. По той же схеме, путем сопоставления сигналов от двух разных участков — «представителей» спорящих сторон, — мозг, по-видимому, принимает решения и в других спорных ситуациях, например когда нужно сопоставить риск и возможный выигрыш.

Что касается хвостатого ядра и прилегающей к нему области септума (перегородки), то новые результаты хорошо согласуются с данными, полученными ранее, согласно которым этот участок мозга играет важную

роль в интеграции различных психических «переменных», в вынесении «социально-ориентированных» оценок, а также в таких явлениях и поступках, как доверие к другим людям или жертвование на благотворительные нужды.

К этим доводам нейробиологов можно добавить и последние открытия генетиков показывающие, что люди когда-то одомашнили не только животных, но и самих себя. Эффект самоодомашнивания (self-domestication), проявлявшийся в том, что люди при выборе брачных партнеров предпочитали тех, у кого более развиты дружелюбие, эмпатия, взаимность и т.д., привел к формированию на генетическом уровне соответствующих когнитивно-поведенческих признаков [5]. Очевидно, что к этим когнитивно-поведенческим признакам относятся и такие характеристики личности, описываемые концептом Большой пятерки, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту. Очевидно также и то, что все указанные свойства личности определяют ее способность к взаимности и сотрудничеству, т.е. к справедливому взаимодействию с другими людьми.

Это дает специалистам дополнительные основания для того, чтобы говорить о наличии у человека особой чувствительности к справедливости, проводя таким образом аналогию с категорией чувствительности в биологии. Показательно, что в своем очень обстоятельном аналитическом обзоре основных направлений исследований справедливости в западной персонологии С.К. Нартова-Бочавер и Н.Б. Астанина особое внимание уделили исследованиям, осуществляемым в русле концепции чувствительности к справедливости. Согласно данной концепции, предложенной в 90-е годы прошлого века немецким психологом М. Шмиттом и активно развиваемой в настоящее время, чувствительность к справедливости может рассматриваться как самостоятельная черта личности, проявляющаяся в поведении индивида, которая «заключает в себе устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость» [2, с. 116]. Для описания данной черты личности М. Шмиттом было предложено четыре индикатора: «а) частота переживаемой несправедливости; б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, д) мотивация к восстановлению справедливости» [13, С. 23–24]. М. Шмитт в своих исследованиях показал, что все эти индикаторы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы (т.е. высоко конвергентны) и при этом качественно отличны от иных характеристик личности — «от фрустрационной толерантности, межличностного доверия, гневливости как черты личности и стилей ее выражения» [23].

Для персонологии, в отличие от социальной психологии, важно не столько значимость справедливости в системе ценностей для человека, сколько то, «из какой позиции субъект к ней относится и какой личный опыт проецирует на готовность быть обиженным, чувствовать себя защитником слабых или проявлять великодушие в ущерб собственным интересам». Все эти составляющие внутреннего мира личности, подчеркивают С. К. Нартова-Бочавер и Н. Б. Астанина, должны изучаться не только с в связи с их социальным поведением, но и в аспекте психологического благополучия, позволяющего раскрыть степень уязвимости и личностные ресурсы человека, который он может задействовать для преодоления психологического дискомфорта, порождаемого этой уязвимостью.

Другое выделенное авторами направление исследований справедливости в рамках западной персонологии — теория «веры в справедливый мир», — было обосновано американским психологом М. Лернером в 1960-е годы прошлого века. Сам М. Лернер считал такую веру иллюзией, помогающей людям адаптироваться к несправедливости мира. Однако при всей иллюзорности данной веры она является необходимой предпосылкой нормального, т.е. упорядоченного, основанного на общезначимых нормах, функционирования человеческого общества. Поэтому процесс социализации личности с необходимостью включает в себя, как писал М. Лернер, воспитание, начиная уже с раннего детства, веры ребенка в справедливость мироустройства. Суть такого воспитания он охарактеризовал как внушение ребенку идеи своего рода «персонального контракта с судьбой», согласно которому те его усилия и жертвы в настоящем, окупятся успехами в будущем, когда он повзрослеет. На этой основе впоследствии каждый человек вырабатывает собственный (во многом обусловленный внутренними особенностями его психики и влиянием социального контекста) набор рациональных и нерациональных когнитивно-поведенческих стратегий, которые помогают ему пережить несправедливость мира. Идеи М. Лернера привлекли большое внимание специалистов и дали импульс многочисленным эмпирическим исследованиям проблемы справедливости в аспекте веры человека в справедливость мироустройства. Однако до сих пор этот удивительный феномен веры, уже многократно подтвержденный экспериментально, в значительной степени остается теоретически не проясненным и нуждается в дальнейших углубленных исследованиях.

Подводя итоги своего анализа, С. К. Нартова-Бочавер и Н. Б. Астанина делают вывод о том, что при всей несомненной позитивной значимости справедливости как важнейшей социальной ценности на уровне отдельной личности идея справедливости, выражаемая прежде

всего через чувствительность к справедливости и веру в справедливое мироустройство, способна как позитивно, так и негативно влиять на психологическое благополучие человека. Психологическая наука, изучающая индивидуальность человека с точки зрения отношения к справедливости, может, подчеркивают авторы, «открывать важные личностные ресурсы естественного переживания кризисных и стрессовых ситуаций различной природы и служить основой психоразвивающего воздействия». С этих позиций они выделяют ряд наиболее интересных, на их взгляд, направлений изучения справедливости в рамках персонологии, связанных с выявлением траекторий самореализации личности (и особенно стратегий выхода из сложных жизненных ситуаций) в зависимости от того, как соотносится в мировоззренческой картине личности вера в справедливость мира вообще с верой в личную справедливость (т.е. справедливость в отношении именно данного человека). Чрезвычайно интересно, считают авторы, проанализировать под этим углом зрения когнитивно-поведенческие стратегии людей, у которых четко выражена чувствительность либо нечувствительность к справедливости, и сравнить уровни их психологического благополучия. Отдельного внимания со стороны отечественных ученых, отмечают они далее, заслуживает анализ справедливости как «этико-психологического явления, очевидно несущего отпечаток особенностей российской ментальности».

В настоящее время из всего этого широкого спектра направлений исследований психологии справедливости в рамках российской персонологии основной (скорее, даже — преимущественный) акцент делается на применении теоретических концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир, а также разработанного на их основе инструментария эмпирического анализа психологического благополучия представителей наиболее уязвимых социальных групп: людей с ограниченными возможностями [14], заключенных (в сравнении с законопослушными гражданами) [12, с. 712], несовершеннолетних правонарушителей [3], и т.п. Однако при всей несомненной значимости данного направления исследований (особенно с учетом его гуманистической направленности) его вряд ли можно считать наиболее актуальным. Конечно, очень важно понять, какие психологические ресурсы помогают людям, находящимся в уязвимом положении, сохранять психологическое благополучие и выстраивать позитивные жизненные стратегии. Но было бы неверным при этом упускать из внимания личностный потенциал тех людей, чья чувствительность к справедливости, вера в справедливость мира и основанные на них жизненные стратегии являются факторами не только собственного психологического благополучия в борьбе с превратностями личной судьбы, но и достижения более справедливого устройства общественной жизни.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно из процитированных выше высказываний из статьи С. К. Нартовой-Бочавер и Н. Б. Астаниной о том, что для отечественных исследователей интерес представляет анализ справедливости как этико-психологического феномена, «несущего отпечаток особенностей российской ментальности». Очевидно, авторы имеют в виду то обстоятельство, что для российского общественно-го сознания в целом, а значит и для индивидуального сознания россиян, справедливость как имеет какое-то особое значение. В подтверждение этого положения уместно обратиться к авторитету такого знатока русской души, как Ф. М. Достоевский, который писал: «Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее». Развивая эту мысль в контексте анализа причин революции 1917 г. другой весьма авторитетный автор — философ И. А. Ильин — утверждал, что «русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. ... И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории» [10]. При этом он очень верно подчеркивал, что продвижение общества к социальной справедливости требует, помимо всего прочего, «еще справедливых людей. ... Если в стране нет живого и справедливого правосознания, — считал он, — то ей не помогут никакие даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души — необходима воля к справедливости» [10]. А в наши дни директор Института социологии РАН акад. М. К. Горшков, опираясь на результаты социологических исследований, утверждает, что великую русскую мечту можно выразить одним словом — и это будет слово «справедливость» [7].

Такое понимание ситуации ставит перед российскими психологами задачи, связанные не только с применением в России уже, хорошо апробированные на Западе концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир применительно к людям с уязвимым социальным статусом, но и с изучением того, что специалисты называют просоциальными (в противовес эгоистическим) установками, ориентирующие на альтруистический тип поведения в ситуациях, обладающих социальной значимостью. Возможно, что для исследования этого феномена потребуются новый методологический инструментарий, направленный на выявление личностных характеристик людей, обладающих ярко выраженными просоциальными установками или, если воспользоваться термином А. И. Ильина, — конструктивной «волей к справедливости». Необходимость подобной ориентации исследований, осуществляемых на уровне социальной психологии и психологии личности, обусловлена тем обстоятельством, что, как свидетельствуют социологи, ощущение несправедливости

системы общественных отношений в современной России является в настоящее время доминантой массового сознания россиян [18]. Если исходить из того, что, согласно первому базовому предположению социально-психологического подхода, «вступая во взаимодействие, люди оценивают его справедливость» [8], то надо признать, что ощущение несправедливости общественных отношений деформирует всю систему социальных коммуникаций. Поэтому так важно понять, как это ощущение проявляется на личностном уровне, как оно влияет на психологическое благополучие и когнитивно-поведенческие стратегии людей, обладающих разной «волей к справедливости», как можно измерить конструктивный потенциал личностной воли к справедливости т.д. Подобные исследования, осуществляемые на уровне персонологии, дали бы социальной психологии важный эмпирический материал для осмысления психологического состояния современного российского общества с точки зрения оценки имеющихся у него психологических ресурсов для того, чтобы справиться с деморализующим ощущением несправедливости или попытаться развернуть социальную ситуацию в направлении более справедливого развития.

С этой точки зрения особый интерес для исследователей психологии справедливости представляет анализ личностных особенностей представителей таких социальных групп, как политики, государственные управленцы разных уровней, работники правоохранительных и судебных органов. При этом наиболее доступными для эмпирических исследований и одновременно наиболее интересными в плане научного осмысления их психологического потенциала является молодежь, которая стремится к политической или юридической карьере. Особенно благодатным «материалом» для изучения психологии справедливости с позиций такого подхода могут служить студенты юридических вузов и прежде всего те, кто готовит себя к карьере судьи, прокурора или адвоката. Было бы интересно понять, в какой мере и в каких направлениях развита в этих группах чувствительность к справедливости и вера в справедливый мир, есть у них установки на просоциальное поведение, выражающие волю к справедливости, в какой мере эти установки выражены в их сознании и поведении, на что направлены и как они связаны с таким феноменом, который в социальной философии обозначается понятием «чувство справедливости».

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что такие ключевые аспекты проблематики справедливости в рамках персонологии, как чувствительность к справедливости и вера в справедливый мир, тесно связаны с чувством справедливости. Ведь чувствительность к справедливости, являющаяся такой чертой личности, которая отражает степень интенсивности

эмоциональных реакций на несправедливость, при ее надлежащей интерпретации может служить главным показателем степени развитости у индивида чувства справедливости как явления, выражающего устойчивые эмоциональные реакции обязывающе-представительного, т.е. императивно-атрибутивного (если воспользоваться терминологией, разработанной основателем психологического направления в теории права Л.И. Петражицким), характера, которые выражают представления человека о взаимности в отношениях, о соразмерности между деянием и воздаянием, о соответствии между долгом одних людей и притязаниями других и т.д. А что касается веры в справедливый мир, которая формируется в результате «персонального контракта с судьбой», то, очевидно, что такая форма социализации индивида является важнейшей предпосылкой формирования у него чувства справедливости.

Однако в психологии сложилась традиция выводить категорию «чувство справедливости» за рамки психологической науки, считая ее слишком абстрактной и не относящейся непосредственно к природе человека. На данное обстоятельство обращал внимание еще Э. Фромм, который писал так: «Многие, конечно, относят принципы справедливости и равенства к идеологиям, которые получили развитие в истории, но не служат фундаментальным свойствам естественного человека. Я не собираюсь сейчас заниматься детальным опровержением этого взгляда, но хочу подчеркнуть лишь самое главное: я убежден, что человек в самой глубине души своей наделен чувством справедливости» [22, с. 614]. При этом нарушающее справедливость «стремление более сильного использовать другого человека как сред-

ство достижения своих эгоистических целей» [22, с. 614] он считал самой ужасной из всех человеческих страстей, называя ее утонченной формой каннибализма. Столь эмоциональное выступление в защиту психологического статуса категории «чувство справедливости» со стороны выдающегося моралиста заслуживает, на наш взгляд, серьезного внимания.

В любом случае, можно, по-видимому утверждать, что упомянутые выше аргументы, которые современная нейробиология и генетика предоставляют в пользу признания чувствительности к справедливости в качестве одной из характеристик внутреннего мира человека, сформировавшихся в ходе биосоциальной эволюции, вполне могут быть применимы и к чувству справедливости. Введение категории «чувство справедливости» в понятийный аппарат персонологии способствовало бы формированию широкого теоретического фундамента для эмпирических исследований в этой области, позволяющего увязывать изучение справедливости в рамках психологической персонологии, социальной психологии, социальной философии и философии права в единый комплексный подход к изучению человека. Более того, результаты подобных исследований в перспективе могли бы использоваться в процессе совершенствования профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов, для которых (как например, для представителей профессий, связанных с правосудием) справедливость должна входить в число главных принципов профессиональной этики, а развитое чувство справедливости должно включаться в своего рода неписанный профессиональный стандарт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль. 1983.
2. Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмит М. Опросник «Чувствительность к справедливости»: Валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 105–116.
3. Астанина Н.Б., Голубева С. А. Вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости у взрослых людей с глубокими нарушениями зрения // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. № 2.
4. Астанина Н. Б. Чувствительность к справедливости и психологическое благополучие у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола // Клиническая и специальная психология. 2017 Том 6 № 1 С. 33–47.
5. Воробьева Ю. Генетики подтвердили, что древние люди одомашнили сами себя // Вести «Наука». 06.12.2019 // nauka.vesti.ru/article/1247776.
6. Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти т-х. М.: Педагогика, 1982 Т. 1.
7. Горшков М.К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013.
8. Гулевич Социальная психология справедливости. М.: ИП РАН. 2011. С. 11 288 с.
9. Журавлев А.Л., Ушаков Д. В. Психологическое содержание социальных институтов // Новое в науках о человеке. М.: URSS. 2018. С. 211–220.
10. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи.
11. Институт человека. Идея и реальность. М.: URSS. 2018.
12. Михайлова М. М. Представления заключенных и законопослушных граждан о справедливости и вера в справедливый мир — сравнительный анализ // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 7–12.
13. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии // Психологический журнал. 2014. Т 35. № 1. С. 23–24.

14. Нартова-Бочавер С. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология: журнал. — 2013. — № 3.
15. Новое в науке о человеке. М.: URSS. 2018.
16. Петровский А. А., Старовойтенко Е. Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. — 2012. — С. 16.
17. Ролз Д. теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1995.
18. Сергеев М. Социальная несправедливость остается ключевой проблемой // Независимая газета. 16 сентября 2019.
19. Слотина Т. Психология личности: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
20. Фролов И.Т., Гуревич П. С. Человековедение // Человек. 1994. № 6.
21. Фролов И. Т. На пути к единой науке о человеке // Институт человека. Идея и реальность. М.: URSS. 2018. С. 26–38.
22. Фромм Э. Человек: кто это такой? //Философия и жизнь. 1991. -№ 12. -С. 614.
23. Schmitt M., Mohiyeddini C. Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real life disadvantage // Social Justice Research. 1996 V. 9 P. 223–238. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research. 1995 V. 8 P. 385–407.

© Нерсесянц Анна Владиковна (ivan.anna2018@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»